

УДК 94 (460.05)

**ВЛАСТЬ И ПОДДАННЫЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVI в.**

А. П. Батури

**POWER AND SUBJECTS: THE PROBLEM OF INTERACTION IN THE WORKS
OF FRENCH POLITICAL WRITERS OF THE 16TH CENTURY**

A. P. Baturin

В статье рассматриваются взгляды и идеи крупнейших французских политических писателей XVI в., касающиеся власти и ее взаимодействия с подданными в эпоху становления абсолютизма во Франции. Внимание при этом акцентируется на формах и методах, в том числе на роли насилия в этом взаимодействии.

The paper considers the views and ideas of major French political writers of the 16th century regarding power and its interaction with the citizen at the time of the formation of absolutism in France. Attention is focused on the forms and methods, including on the role of violence in this interaction.

Ключевые слова: французский абсолютизм, французская литература XVI в., политическая мысль Франции Раннего Нового времени.

Keywords: French absolutism, French literature of the 16th century, political thought in Early Modern France.

Обращение к историческим взглядам и идеям интеллектуалов Франции в означенный период времени не случайно. С одной стороны, как считают современные исследователи, особую актуальность представляет изучение истории исторических знаний именно XVI – XVII вв., с другой – прежде всего Франция и Англия в данный период времени определяли интеллектуальное движение, созидавшее историческую дисциплину и предопределившее институциональное оформление исторической науки в Европе [3, с. 20 – 21]. Для Франции, как и для большинства западноевропейских стран, переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался радикальными переменами во всех сферах жизни – в экономической, социальной, политической, культурной. Французские мыслители на всем протяжении этого сложного, во многом трагического для страны периода часто обращались к политическим проблемам и проблеме власти в частности. В немалой степени этому способствовали политическая ситуация в стране при Людовике XI, процесс складывания во Франции абсолютной монархии, а позднее Гугенотские войны второй половины XVI столетия. Среди политических писателей эпохи к проблеме власти более глубоко и последовательно обращались Филипп де Коммин (1447 – 1511), Жан Боден (1530 – 1596), Мишель де Монтень (1533 – 1592), Теодор Агриппа де Обинье (1552 – 1630).

Почти все названные писатели были выходцами из знатных родов (кроме Жана Бодена – сына портного), имели блестящее по тем временам образование, занимали высокое служебное положение (прим. автора: *Коммин получил хорошее образование и много лет служил при дворах бургундского герцога Карла Смелого, затем при французских королях Людовике XI, Карле VIII и Людовике XII. Жан Боден учился в трех университетах (в Анжере, Париже и Тулузе), юрист по образованию, служил адвокатом при Парижском парламенте. Во время гугенотских войн принимал активное участие в деятельности партии «политиков». В 1576 г. Боден был членом Генеральных штатов в Блуа в качестве одного из представителей третьего*

сословия. В 1587 г. он получает наследственную должность королевского прокурора Лана. Жизненный и политический опыт Мишеля де Монтьена складывался на основании далеких путешествий, участия в ряде военных походов в конце 50-х – 60-х гг., работы советником и мэром парламента Бордо, неоднократного посещения королевского двора. Теодор Агриппа де Обинье – всесторонне развитая личность, крупный политический и общественный деятель Франции, талантливый военачальник, участник религиозных войн, поэт, писатель-романист, историк). Находясь в центре важнейших политических событий и выполняя военные и дипломатические функции, они были хорошо осведомлены о современной социально-экономической и политической обстановке во Франции и в соседних странах, что делает их наблюдения и выводы достаточно интересными и обоснованными. В начале разговора о конкретных воззрениях названных выше писателей-гуманистов следует отметить, что гуманистическая историография имеет ярко выраженный дидактический характер. Гуманисты стремились извлечь из истории уроки и преподать их окружающим. При этом, как подчеркивает М. А. Барг, «Один из уроков истории гуманисты видели в том, что она демонстрирует превратности судьбы и учит людей безропотно принимать капризы Фортуны, делающей земное счастье зыбким» [2, с. 120 – 121]. С этих позиций они и обращались к описанию исторических событий. Наиболее точное определение места истории как основания для построения политических максим, мы находим у Бодена, который отмечал: «Главная задача истории – служить политике. Она должна помочь нам понять сущность и функцию государства, его нужды и его структуру, причины его расцвета и его падения» [4, с. 19].

Относительно формы государственного устройства мнения писателей практически совпадали. В основе их концепции государства лежит учение о суверенитете, т. е. особой власти, которая присуща всякому государству. Независимо от формы государства, от того, является ли оно монархией, республикой, аристократией или демократией, в руках государства как

такового находится абсолютная власть, «постоянная, высшая, независимая, не связанная с законами, абсолютная власть над гражданами и подданными», как подчеркивал Жан Боден. Из рассуждений Бодена и других мыслителей явствует, что они не видели большой разницы между различными формами правления. Им было все равно, кто находится на вершине власти – монарх или правитель, избранный демократическим путем. Главное, чтобы это было лицо глубоко верующее, справедливое и разумное, а его главной задачей являлось бы поддержание мира и стабильности в стране. Хотя, как уже было отмечено, суверенитетом обладает всякая государственная власть, наивысшей формой государственной власти Боден видел монархию, где суверенитет не распылен, а сосредоточен в одном лице. Эту форму государства он считает соответствующей самой природе, усматривая во всех ее проявлениях единоначалие: «одно солнце среди звезд», «единый Бог – повелитель и творец всего мира», «один вожак в стаде овец», «один главный журавль, ведущий клин журавлей» [4, с. 242]. При этом он различает три формы монархии: 1) патриархальная деспотия в азиатском смысле; 2) «монархия, покоящаяся на законе», в которой подданные повинуются законам своего государства, а государь повинуется законам природы, и естественная свобода и имущество подданных защищены и безопасны; 3) тирания, представляющая собой извращенную форму монархии, где правитель-тиран злоупотребляет своими суверенными правами, обращаясь со своими подданными как с рабами [4, с. 178 – 179, 190 – 192].

Переход от одной формы правления к другой, по мнению Бодена, происходит по-разному: в одних случаях мирно, в других насильственным путем. Так он пишет: «замечено, что королевство почти всегда плавно, без насилия переходит в тиранию, аристократия – в олигархию, демократия – в охлократию. Но переход от тирании к народной форме правления всегда насильственный, так как тиранов убивают» [4, с. 193]. Автор считает тиранию и народовластие «двумя крайностями». Обращаясь к опыту истории, он подчеркивает: «Когда восставшие опрокидывают правительство, устанавливается народное правление. Народ, возвративший себе свою свободу, дает себя убаюкать речами своих ораторов еще до того, как воспользуется свободой, которую он завоевал. В целом случается, что плебс бессознательно устремляется от убийства тиранов к другой крайности, т. е. к народной власти» [4, с. 193 – 194]. Насилие всегда порождает насилие, – утверждает Боден, ибо «природой заложено то, что никто насильно и безропотно не повинует насилию даже тогда, приказы являются справедливыми. Все хотят быть лидерами, но никто не хочет повиноваться» [4, с. 194]. Тирания, по мнению Бодена, не может быть вечной, «она может быть опрокинута внутренней силой, так как все боятся и ненавидят одного человека, а он, в свою очередь, боится и ненавидит всех и каждого». Также недолговечно и народовластие, поскольку, рано или поздно, найдутся те «ораторы», которые воспользуются невежеством и доверчивостью народа, чтобы присвоить добытую им свободу и власть.

Мишель Монтень, так же утверждая приоритет абсолютной монаршей власти, исходил из объективной реальности. Именно ее он считает единственной силой, способной умиротворить Францию. В то же время, сказанное не значит, что Монтень считает монархическую форму правления единственно возможной. Лучшим государственным устройством и лучшими законами для всякой страны он считает те, «которые существуют в данной стране и к которым она привыкла»: «Не только предположительно, – пишет автор «Опытов», – но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства зависят от породивших его обычаев. И все же я держусь того мнения, что жаждать власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления – это преступление и безумие» [8, с. 223]. В отличие от мыслителей, о которых шла речь выше, Агриппа де Обинье не пытается анализировать различные формы правления и рассуждать о том, какая является наилучшей. Для него важна не сама форма правления и власти, а личность правителя, прежде всего – личность короля Франции. И здесь, резко критикуя Карла IX и его окружение за то, что они развязали братоубийственную войну, допустили несправедливость и насилие по отношению к гугенотам, а Генриха IV – за его отступничество от протестантской веры, писатель рисует образ идеального правителя. И этот образ ничем не отличается от того, каким его рисовали практически все писатели-гуманисты эпохи. Признавая власть и верховенство права короля, все писатели сходятся в одном: властью и своими законными правами король должен пользоваться разумно и осторожно, а главное – всегда советоваться с мудрым окружением. Так Филипп де Коммин пишет: «хочу спросить, есть ли на земле такой король или сеньор, который мог бы облагать налогом подданных, помимо своего домена, без пожалования и согласия тех, кто должен его платить, не совершая при этом насилия и не превращаясь при этом в тирана? Могут, пожалуй, возразить, что бывает иногда так, что нет времени для созыва собрания, ибо нужно безотлагательно начинать военные действия. На это отвечу, что в такой спешке нужды нет и времени на все достаточно. Скажу еще, что короли и государи становятся более сильными и внушают больший страх своим врагам, когда они действуют, руководствуясь советами своих подданных» [5, с. 210]. Здесь, как мы видим, Коммин отказывает королю в абсолютном и непререкаемом праве любыми способами решать свои и государственные финансовые проблемы. Агриппа де Обинье среди качеств, какими должен обладать король, также выделяет такие, как «забота о людях и почтительность к богам», «умение трудиться и разумно хозяйствовать», «твердость и справедливость» [1, с. 134 – 135]. В целом писатель выступает не против абсолютизма как формы правления, а против чрезмерной централизации власти в руках одного человека, против произвола и несправедливости, которые проявились, по его мнению, в отношении к гугенотам и провинциальному дворянству в целом. Агриппа де Обинье был чуть ли не единст-

венным из дворян Пуату, кто выражал недовольство абсолютистской политикой Генриха IV. Непреклонный протестант, сторонник восстания и войны против тирании, он остался чужд тому умиротворению Франции, которое наступило после издания Нантского эдикта 1598 г. (замешанный в подготовке восстания дворян-гугенотов против Людовика XIII, он был осужден на изгнание, бежал в Женеву, где и провел последние годы жизни).

Все писатели едины в том, что любая власть должна опираться прежде всего на законы, которые «необходимы и при монархии, и при народных формах правления, и при аристократических, законы являются столь же разнообразными, как и формы правления», как подчеркивал Боден [4, с. 35]. Боден, перечисляя права верховной власти: право законодательства, объявление войны и мира, назначение высших должностных лиц, верховного суда, чеканки монеты и установления общих мер и весов для всего государства, введения и сбора налогов, особо выделяет ее право карать и миловать в тех случаях, когда сам закон не предоставляет возможности для помилования или смягчения наказания. «Этими функциями, – пишет он, – в хорошо организованном государстве никогда не наделяются магистры, потому что в вопросах жизни и смерти не должно быть давления необходимости или случая, данная сфера является священной только для правителей» [4, с. 152]. Здесь Боден по сути выразил целую программу развивающегося абсолютизма.

Большое место в сочинениях французских мыслителей переходной эпохи занимают рассуждения о характере и принципах взаимодействия между властью и подданными. Сама политическая обстановка тогдашней Франции заставляла не только признать политическую и социальную борьбу как объективную реальность, но искать пути к умиротворению. Так Филипп де Коммин считает, что в мире, разделенном на противоположности, неизбежны противостояние и борьба: «как эти раздоры, так и все, что Господь создал и предназначил в противовес каждому государству и почти каждому человеку, о чем я говорил, необходимо в этом мире» [5, с. 207]. Полагая, что зло естественно, как и добро, Коммин находит возможным, если не искоренить его, то, по крайней мере, уменьшить. Главными же средствами борьбы со злом, по его мнению, являются знания и «страх перед божественным воздаянием». «Ведь когда государь или другой человек, какое бы положение он ни занимал, имеет силу и власть над другими и хорошо образован, многое повидав и прочитав, то от этого он или становится лучше, или портится: ибо дурные люди портятся от многознания, а хорошие становятся лучше. Однако, надо полагать, что знание скорее улучшает людей, нежели портит» [5, с. 207]. И далее: «Я наблюдал много примеров того, как могущественные особы избегали дурных поступков благодаря знанию, а также страху перед божественным воздаянием, о котором они имеют лучшее представление, чем люди невежественные, ничего не видевшие и не читавшие» [5, с. 208]. В рассуждениях Коммина о зле и насилии, царящих в мире, явно преобладает пессимистическое начало. Обращаясь к истории, в том числе к истории современной ему Франции, он делает следующий вы-

вод: «Так что следует заключить, что ни природный рассудок, ни наш ум, ни страх перед Богом, ни любовь к ближнему не предохраняют нас от насилий по отношению к другим и от захвата чужого имущества всеми возможными средствами и его удержания: ведь когда сильные удерживают города и замки своих родственников или соседей, они ни за что не хотят их возвращать... О раздорах же среди слабых я вовсе не говорю, поскольку над ними стоят сильные, которые иногда расправляются с враждующими (и обычно их жертвами становятся те, кто прав), прибегая к изгнаниям, запретам и широким конфискациям» [5, с. 208]. Особо опасны и внушают страх, как считает Коммин, жестокость и невежество государей, от которых зависит благополучие или злосчастье их подданных. «Ведь если государь могущественен и у него много солдат, благодаря которым он получает сколько угодно денег, чтобы оплачивать их и раскормиться на свои собственные прихоти, не думая об общественных нуждах, и если он в своих безумных и опасных затеях и тратах совсем не желает ограничить себя, даже если все, кого это затрагивает, его предостерегают, ничего, правда, не добиваясь или, что еще хуже, навлекая на себя его гнев, то кто же сможет тогда помочь, если господь не придет на помощь?» [5, с. 208].

Коммин считает, что в окружающем мире царит произвол и право сильного. По его мнению, «могущественные люди» силой вершат все, что угодно, «и карают они под видом правосудия, имея под рукой людей соответствующих профессий, готовых к их услугам, которые из греха простительного сделают грех смертный, а если не окажется законных оснований для этого, то найдут причину, чтобы не выслушивать сторон и свидетелей, дабы дольше держать обвиняемого и ввести его в разорительные расходы, а тем временем разузнать, не желает ли кто-нибудь принести жалобу на задержанного, которого хотят погубить» [5, с. 209]. Произвол и насилие имеют место, по мнению Коммина, и во взаимоотношениях между сеньорами и их вассалами: «В отношении тех, кто достаточно силен и состоит в вассальной зависимости от них, они действуют прямо. Скажут ему: «Ты не повинешься и нарушаешь оммаж, который принес мне» и, затем, если могут, – а за ними такое дело не станет, – отнимут силой его имущество и пустят по миру» [5, с. 209]. В данной ситуации может выжить только сильнейший: «если же их сосед силен и отважен, они дают ему жить спокойно, но коли слаб, то не знает, куда и деться, ибо они заявят, что он якобы поддерживает их врагов, или просто запустят своих солдат в его земли, или перекупят чью-нибудь тяжбу с ним, или поддержат против него его соседа и предоставят последнему людей, или же найдут другой способ его разорить» [5, с. 209]. Несправедливый правитель, пользуясь своим положением и властью, может, по мнению Коммина, «ради возвышения своих людей, отрешить от должности даже тех из своих подданных, кто верно служил их предшественникам... Служителей церкви они ссорят из-за бенефициев, чтобы взыскать средства для обогащения кого-либо..., знатных людей они вынуждают вести постоянные расходы и принимать на себя различные тяготы по причине войн, которые ведут из прихоти» [5, с. 209]. Особо

страдает от бесчинств и насилия со стороны сильных мира сего простой народ. «Своему народу они по большей части ничего не оставляют; взимая налоги в гораздо больших размерах, чем следует, они, кроме того, совсем не наводят порядка в снабжении своих войск, и солдаты бродят по стране, ничего не платя и совершая другие злодеяния и бесчинства...» [5, с. 209 – 210].

Как и кто может положить конец несправедливости, злу и насилию? Ответ Коммина однозначен: «помочь в этом может только мудрый король». Причем сделать это он может так же прибегая к насилию, но насилию вынужденному. Так, осуждая своеволие правителей и насилие с их стороны по отношению к своим подданным, Коммин осуждает также неуважение к своему королю и с их стороны, не говоря уже о прямом неповиновении последних. «Но есть также и народы, которые оскорбляют своих сеньоров, не повинуются им и не оказывают помощи в их нуждах, а когда видят, что они в затруднении, то, вместо того, чтобы помочь, выказывают презрение или восстают и бунтуют, нанося оскорбления и нарушая клятву верности, которую они дали» [5, с. 212].

В своих рассуждениях о неизбежности насилия со стороны властей в ситуации существующего неравенства и несправедливости, царящих в мире, Коммин был не одинок. Практически у всех политических писателей XVI столетия мы встречаемся с подобными выводами. Даже такой ярко выраженный моралист и противник всякого насилия, как Мишель де Монтень, писал в своих «Опытах», что «в силу «несовершенства людей», принуждение и насилие со стороны власти необходимы, а подчинение ей – обязательным. «Самое, на мой взгляд, тягостное и трудное на свете дело – это достойно царствовать. Ошибки, совершенные королями, я сужу более снисходительно, ибо со страхом думаю о тяжком бремени, лежащем на властителях, – и далее делает вывод – мы обязаны повиноваться и покоряться всякому без исключения государю, так как он имеет на это бесспорное право... Так будем же ради порядка и спокойствия в государстве терпеливо сносить недостойных меж нами» [8, с. 8]. Жан Боден также признавал принуждение и насилия как объективную реальность, связывая ее, как и Монтень, с «несовершенством человека и человеческого общества». Так, подразделяя функции государственной власти на высшие (утверждение законов, решение вопросов о войне и мире и т. п.) и низшие (гражданские дела), Боден пишет: «низшие виды деятельности основаны на силе принуждения, высшие – на силе убеждения, а оно имеет власть не меньшую, а иногда даже и большую. Люди низменные удерживаются от преступлений законами и боязнью наказания, тогда как лучшие из людей – рассудком или верой, побуждающей к чести и добродетели. Изначально дикие и свирепые, как звери, люди должны удерживаться от жестокости и грабежа солдатской рукой. Другой способ управления опирается на силу закона и справедливости, последний же – на общественное мнение и страх перед Богом» [4, с. 258].

В приведенных рассуждениях о власти писатели-гуманисты не шли далее осторожной критики произвола и несправедливости со стороны неких абстракт-

ных «правителей» и «сильных мира сего». Их пугали всякие перемены, способные привести к нарушению стабильности и мира в обществе. Например, Мишель Монтень выступает противником всяких изменений и нововведений в политическом строе, считая, что они нарушают естественный порядок, сложившийся веками, и ведут к гражданским войнам и насилию: «Я разочарован во всяких новшествах, в каком бы обличье они нам ни являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь гибельные последствия они вызывают» [7, с. 146]. Здесь, вместе с тем, следует отметить, что отрицание «новшеств» носит у Монтеня не принципиальный, а конкретный характер, что было навеяно событиями гражданских войн во Франции. Он признает, что не всегда следует сопротивляться нововведениям: «Бывает, однако и так, что судьба ставит нас в настолько тяжелое положение, что законам приходится несколько потесниться и кое в чем уступить. И если, сопротивляясь возрастанию нового, стремящегося насильственно пробить себе путь, держать себя всегда и во всем в узде и строго соблюдать установленные правила, то подобное самоотречение неправильно и опасно» [7, с. 150]. Политическая позиция Агриппы де Обинье перед лицом несправедливости и насилия была иной. Она была во много определена его принадлежностью к гугенотской партии и последовательной борьбой с усиливающимся французским абсолютизмом. В отличие от взвешенных и рассудительных выводов Коммина, Монтеня, Бодена и других писателей-историков, высказывания Агриппы де Обинье, касающиеся современной ситуации в стране и политики власти, по большей части импульсивны, категоричны и носят крайне резкий характер. По мнению писателя-гугенота и гуманиста, не только словом, но и с оружием в руках борющегося против произвола и насилия властей, за свободу веры и равенство прав, современное состояние Франции более чем трагично. Главную причину всех бед он видит в кровопролитной и разорительной гражданской войне, спровоцированной неадекватной и эгоистической политикой властей. «Мать Родина скорбит, видя, как враждуют ее дети, ослепленные яростью, терзают они ее священное тело» [1, с. 90]. Повинными в страданиях народа автор сочинения считает папу, короля Карла IX, Екатерину Медичи, Католическую Лигу и иезуитов. Ему претит всякое насилие и несправедливость, которые особенно проявились в событиях Варфоломеевской ночи. Он пишет, что люди, запятнавшие себя кровью Варфоломеевской ночи, уже «не люди, но адские чудовища» [1, с. 123]. Французскую абсолютную монархию он называет не иначе как «тирания». Тиранией по форме и содержанию он считает деятельность католической церкви и иезуитов, оправдывая и восхваляя прежние выступления против них альбигойцев, гуситов и прочих «защитников истинной веры». Не в меньшей степени, чем короля, резко критике мятежный гугенот подвергает его окружение – знать и придворное дворянство. В них он видит виновников тяжелого положения в стране, они во многом являются источником зла и насилия:

«И знать французская, на их подавленных кознях,
Вступила на стезю междоусобной розни,
С отвагой у дворян и ярость возросла,

И стал высокий род подобьем ремесла.

Привычно меж собой вступать в бои дворянам,

Властитель их долги оплатит чистоганом» [1, с. 90 – 91].

Де Обинье не видит справедливого правосудия в государстве, что приводит к частому несоблюдению законов и прав граждан:

«Вот судьи каковы, так банда их живет,

Губители людей, губителей оплот.

Се лжесвидетелей, клеветников опора,

Защита сводника, укрытие для вора.

У них в продаже все: душа и голова,

И власть, и приговор, и знанья, и слова» [1, с. 181].

Наиболее действенным средством против несправедливости, насилия и произвола церкви и властей Агриппа де Обинье считает то же насилие, но уже со стороны народа (гугенотов) и, в конечном итоге, со стороны высшего судии – Бога: «Кто прячется, бежит от божьего суда? Теперь вам, Каины, не скрыться никуда!» [1, с. 371]. Позиция де Обинье относительно того, что несправедливость, зло, предательство должны быть наказуемы (пусть даже теми же средствами), нашла свое отражение в оправдании им убийства Генриха IV, которого он считал сначала своим другом и соратником по оружию, а затем предателем и изменником вере.

Довольно часто в рассматриваемых сочинениях авторы пускаются в рассуждения о том, что является причиной зла и несправедливости и от кого следует ждать наказания за это. Наиболее четкий ответ на эти вопросы дает Филипп де Коммин в пятой главе «Мемуаров»: «Могут спросить, почему могущество Бога проявляется чаще против больших людей, нежели против малых? Дело в том, что на малых и бедных людей всегда найдутся достаточно таких, кто их накажет, если они того заслуживают... Но кто займется расследованием деяний великих государей и государынь, их могущественных советников и губернаторов провинций, необузданных городов, не повинующихся своему сеньору? А если расследование проведено, то кто обратится к судье? И кто примет это во внимание и будет судить? Кто накажет их?» [5, с. 213]. Все зло, творимое несправедливостью и насилием, проистекает от неверия в Бога, в неотвратимость наказания, – постоянно повторяет Коммин: «Разве нашелся бы такой, кто пожелал бы напрасно, незаслуженно предать кого-либо смерти, или незаконно держать в тюрьме, или отнимать у одних, дабы обогащать других (а это

самое обычное занятие), или бесчестно поступать по отношению к своим родственникам и слугам, например женщинам, ради собственного удовольствия, или совершать другие подобные деяния? Право же нет! Это невероятно! Таким образом, если бы у людей была твердая вера и они верили бы в то, что заповедует нам Бог и церковь под страхом проклятия, и сознавали бы, что жизнь их столь кратка, а муки ада столь ужасны, бесконечны и беспрестанны, то были бы они такими, каковы они есть? Следует заключить, что нет и что все зло идет от отсутствия веры» [5, с. 214]. В данном случае рассуждения Филиппа де Коммина о правилах и нормах взаимоотношения между властью и подданными во многом созвучны со взглядами его соотечественника Бодена. Это, в частности, касается утверждения о том, что главным коррелятором поведения, как правителя, так и его подданных, главным сдерживающим фактором от несправедливости и насилия с обеих сторон, является прочная вера и страх перед Богом. «Безнравственность отступает под натиском одного лишь религиозного страха и не сдерживается страхом перед судом, разве судьи, законы, власть могут остановить правителя, если он не сдерживается страхом перед Богом?» [4, с. 258], – замечает Боден.

Таким образом, в заключение разговора о взглядах французских политических писателей XVII столетия на власть, ее задачи, формы и методы деятельности, следует заключить, что авторы рассмотренных сочинений не видели большой разницы между различными формами правления. Из их рассуждений о власти и правителе видно, что авторам было все равно, кто находится на вершине власти – монарх, или правитель, избранный демократическим путем. Главное, чтобы это было лицо глубоко верующее, справедливое и разумное, а его главной задачей являлось бы поддержание мира и стабильности в стране. В данном случае политические взгляды четырех рассмотренных выше писателей, как справедливо отмечает Ю. П. Калинин, конкретно касаясь политических идей Филиппа де Коммина, вполне вписываются в общую социальную мысль того времени, которая «была ориентирована на стабильность сущего и основную задачу, стоящую перед обществом, видела в обеспечении его устойчивости и неизменности путем предотвращения перемен, раздоров и войн. Путь к этой цели проходил через нравственное совершенствование всех членов общества» [6, с. 402 – 403].

Литература

1. Агриппа де Обинье. Трагические поэмы / Агриппа де Обинье. – М., 1996. – 536 с.
2. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М., 1987. – 352 с.
3. Бобкова, М. С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества / М. С. Бобкова. – М., 2010. – 329 с.
4. Боден, Жан. Метод легкого познания истории / Жан Боден; пер., ст., прим. М. С. Бобковой. – М., 2000. – 412 с.
5. Коммин, Ф. Мемуары / Ф. де Коммин; пер., ст. и прим. Ю. П. Калинин. – М., 1986. – 500 с.
6. Калинин, Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» / Ю. П. Калинин // Филипп де Коммин. Мемуары – М., 1986.
7. Монтень, М. Избранное / М. де Монтень. – М., 1988. – 414 с.
8. Монтень, М. Опыты / М. де Монтень. – М., 1997. – Кн. III. – 670 с.

Информация об авторе:

Батури́н Алексе́й Петро́вич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, 89089457799, rinutab@mail.ru.

Aleksey P. Baturin – Candidate of History, Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.